

ШОТЛАНДСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА XVIII ВЕКА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ОТЕЧЕ- СТВЕННОЙ ИСТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ УДМУРТИИ)

Аннотация: Под научным руководством М.А. Барга автор этой статьи занимался изучением Шотландского Просвещения и его исторической школы. Было это более 25 лет назад. Неожиданно в наше время главные выводы этого исследования оказались актуальны для другой области исторического знания. Этой областью для автора стало Ижевское антибольшевистское восстание. Тому, как сработали шотландские научные техники вкупе с современной методологией в исследовании кульминационного пункта восстания – психической атаки ижевских повстанцев и посвящена эта статья.

Ключевые слова: Шотландская школа, Ижевское антибольшевистское восстание, Народная армия, Красная армия, «психическая» атака

Об авторе: Евгений Геннадьевич Ренёв, кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВПО «Ижевский государственный технический университет» им. М.Т. Калашникова. 426069 г. Ижевск, ул. Студенческая, 7, egr@idz.ru

М.А. Барг и Шотландское Просвещение

Под руководством Михаила Абрамовича в конце 80-х гг. (увы, уже прошлого века) мне довелось заниматься исторической школой Шотландского Просвещения. Как видится сегодня, это было и частью его собственных научных планов. В частности, он занимался историческими идеями Дэвида Юма (но не успел довести свои исследования до конца). Возможно, этим объясняется его постоянный интерес, выражаемый, среди прочего, и таким вопросом: «Что там у шотландцев?». Разговоры, иногда бывали долгими, не смотря на огромную его занятость. Но всегда интересными и доброжелательными. Помню, как я, набравшись молодого нахальства, сказал ему, что именно шотландские просветители, а не Кондорсе, как Михаил Абрамович писал в своей знаменитой книге «Эпохи и идеи» [3 с. 332], раз-

работали теорию исторического прогресса. Причем трактовка этого прогресса у шотландских «философских историков» (У. Робертсон, А. Фергюсон, А. Смит и др.) была почти марксистской – человечество идет по нему не по воле мудрых законодателей или правителей, а благодаря развитию «способа существования». Более того, оказалось, что и деление Ф. Энгельсом человеческой истории не три периода – дикость, варварство и цивилизацию («Происхождение семьи, частной собственности и государства») было разработано задолго до Л.Г. Моргана (у кого он ее и позаимствовал) и классика марксизма упомянутыми шотландцами.

Михаил Абрамович в ответ как-то по-мальчишески смеялся, показывая на меня Е.Б. Черняку со словами: «Смотри, во мой-то чего накопал!». И как одобрительно гудел в ответ Ефим Борисович, обращаясь к какому-то своему недотепистому (вероятно) ученику: «Вот, смотрите, своего научного руководителя поправляет!». После этого Михаил Абрамович попросил обратить внимание на особенность исторических взглядов шотландских просветителей (в первую очередь У. Робертсона и А. Фергюсона), а так же указал на необходимость разобраться с тем, что именно представляла из себя шотландская историческая школа. Вот что из этого, если коротко, в конце концов, получилось (на сегодня с тех пор прошло много лет, но исторические идеи и методология «шотландцев» остаются актуальными и до сих пор в значительной степени оказались не вовлеченными в научный оборот).

Методология и само видение истории исторической школой Шотландского Просвещения могут служить достаточной основой для ее выделения в истории европейского Просвещения. Основные имена этой школы – Генри Хоум, лорд Кеймс, Адам Фергюсон, Уильям Робертсон и Адам Смит. Именно их произведения конца 40-х-60-х гг. XVIII в. содержали тот концепт, который позволяет типологизировать их как особую историческую школу. Они рассматривали историю не только как ключ к пониманию природы человека и общества (как это было

у Д. Юма или его старшего современника Ф. Хатчесона), но и увидели ее собственную объективную законосообразность, не зависимую от чьей бы то ни было воли; увидели историю как результат деятельности людей, направленной на удовлетворение потребностей своей природы, не зависящий от тех целей, которые люди при этом ставят; опосредованность самой этой деятельности историей. Именно эти шотландцы поняли недостаточность перенесения методологии ньютоновской «новой физики» только на исследование содержания человеческой природы, неопосредованной собственно человеческой деятельностью, направленной на окружающий объективный мир. Именно преобразуя последний, для удовлетворения собственных потребностей, человек сам является не только субъектом, но и объектом, на который направлены возникающие в результате этого взаимодействия человека, человеческого общества и природы законы.

Сама история у этих шотландцев стала наукой со своим методом и своими законами. Они словно подобрали перчатку, брошенную Декартом современной ему историографии, с обвинением в том, что историческая форма познания не способна дать истинной картины человеческого прошлого и является ни чем иным как родом занимательной литературы, сказками, которые «представляют возможными такие события, которые в действительности невозможны» [8 с. 253].

Заслуга Кеймса, Фергюсона, Робертсона и Смита состоит, прежде всего, в том, что они рассматривали историю человечества как объективный законосообразный процесс, в который человеческая природа включена как ведущая, но опосредованная составляющая. Отсюда высокая цель истории как науки – постижение законов развития человеческого общества и собственно человека: «Мы говорим, что история, – писал Фергюсон в эссе «Об истории и присущем ей стиле», – поучительна, но не определяем, касательно чего она собственно и особенно такова. Описывая события прошлого и информируя нас о том, что было в отдельных случаях, она стремится к выявлению действительного хода вещей, в который мы вовлечены и на который мы мо-

жем полагаться в будущем как в прошлом, дабы стать осторожными в отношении одного события или принять меры для поддержки другого» (цит. по: [53 с. 5-6]).

«История, – подчеркнет Смит в «Лекциях по риторике», – учит и воздействует фактом», задача историка, следовательно, состоит в том, чтобы, постигая причины далеких событий, показать «каким методом мы можем получить похожие хорошие результаты или избежать плохих» [51 р. 90, 101].

У. Робертсон в «Истории Шотландии» конкретно назовет тех, кому, по его мнению, в первую очередь предназначены эти уроки: «История – учитель ума для пользы государственных деятелей и политиков» [58 I, 48]. Но для того, чтобы «учить<...> и воздействовать фактом», через раскрытие «действительного хода вещей, в который мы вовлечены», история должна стать не менее точной наукой, чем науки естественные (Юм полагал, что сам исторический факт должен быть подобен математическому числу по своей точности). История должна быть освобождена от легенд и выдумок, отмечал Смит [59 р. 16-10]. Историк в своих исследованиях должен опираться на факты, вдумчиво и критично отобранные; «следует собирать факты, – писал А. Фергюсон, – прежде чем предлагать гипотезы»; «его (*историка*) знание материальной системы мира состоит в сборе фактов, или, самое большее, в извлечении общих принципов из тщательных наблюдений опытов», т.к. априорные гипотетические построения суть «смещение областей воображения (*imagination*) и разума (*reason*), поэзии и науки и могут «привести только к бесплодным исследованиям и диким предположениям» [47 р. 1-3].

Указанные шотландские просветители уже сами противопоставляли свой подход к истории подходу «философских историков» Французского Просвещения (о гёттингенской школе им известно не было). «Начнем с того, – писал Руссо в «Рассуждениях о происхождении и основаниях неравенства между людьми», – что отбросим все факты»; труды историка должны «вылиться в похвальное слово первым предкам твоим, критику со-

временников твоих и внушать ужас тем, кто будет иметь несчастье жить после тебя» [36 с. 46-47].

Заниматься составлением плана «общества полуцивилизованного и полудикого», как вернуться к нему и как остаться в нем призывал Дидро вслед за Гельвецием считавший это «среднее состояние» утерянной счастливой эпохой в истории человечества [9 II. 305].

«Философы нашего времени, – отвечал им У. Робертсон, – взялись за исследование обычаев и образа жизни племен Америки с огромным рвением, но вместо того, чтобы осветить сей предмет, они в значительной мере лишь затемнили его. Слишком нетерпеливые для тщательного исследования, они начали возводить теории тогда, когда им следовало бы заниматься поисками фактов для фундамента своих концепций <...>. Часть из них предположила, что человечество достигло наибольшего совершенства и величия задолго до цивилизованного состояния <...>. Кажется, они считают, что человек наиболее совершенен в наименее цивилизованном состоянии. Они с таким пылом описывают обычаи первобытных племен, как если бы хотели представить их образцами для остального человечества» [58 I.92].

Сами исторические источники шотландцы группируют по степени достоверности. Наиболее надежными являются документы и свидетельства очевидцев событий, используя которые, однако, должно проверять, «насколько данный факт или рассказ о нем согласуется с законами природы, или отыскать свидетельство, делающее его несомненным» [47 р. 116-117] (отсюда и противопоставление шотландскими историками Фукидида и Геродота /А.Смит [59 р. 16-20], А. Фергюсон [47 р. 75-76]/). Среди отобранных фактов историк должен выявить главные и второстепенные, при этом отбрасывая все экстраординарное, необычное, т.к. на исключениях научные выводы строиться не могут (Фергюсон). Необходимо брать историю «крупным планом», через наиболее «важные факты, вызванные революциями и т.д.» [59 р. 11].

Из сцепления этих критически осмысленных фактов, являющихся, как уже отмечалось, в представлении «шотландцев» аналогом экспериментальных и опытных данных наук естественных, и должны были путем индукции извлекаться «общие правила» – законы истории. Гипотеза же может иметь здесь место только как дедуктивное построение, основанное на уже исследованных фактах и исходящее из уже выявленных законов; она не должна быть умозрительной абстракцией картезианского типа, но должна постоянно критически поверяться как уже известным, так и вновь поступающим научным материалом» [52 р. 22; 47 р. 3, 116-117].

При систематизации и анализе отобранного фактического материала «разум используется для открытия причин и выявления следствий, а не для априорных построений, и, если получается одна правильная цепь, то ничего другого уже нельзя и ожидать» [52 IV-V р. 22]. Адам Смит, развивая эту мысль «Историко-правовых трактатов» Кеймса, подчеркивал, что при историческом анализе необходимо найти «связующую цепь» всех событий [38 с. 549].

Допустимы в исследовании и эксперименты в виде исторических реконструкций – Фергюсон при написании истории Римской империи лично обследовал поля сражений. Результатом этого стало сомнение шотландца в масштабности описываемых античными историками сражений и их отдельных этапах. Так этот шотландский историк поставил, среди прочего, вопрос о действиях конницы Ганнибала в битве при Каннах – обойдя предполагаемое поле битвы, он сделал вывод, что развернуться ей там было негде [28 с.96].

Сообщение о вышеприведенных размышлениях шотландцев об истории было с интересом воспринято Михаилом Абрамовичем, как и факт фергюсоновских «исторических реконструкций». Автор этих строк не мог, конечно, тогда и предположить, какие результаты могут дать (скорее всего, подспудно) эти, вроде бы, простые методы, вкуче с современной методоло-

гией применительно к самому яркому событию истории Удмуртии. Но об этом дальше.

Последний бой восставшего Ижевска

Одним из самых ярких и трагических событий в истории Удмуртии, да и, пожалуй, всей Гражданской войны в России является Ижевско-Воткинское рабочее антибольшевистское восстание 8 августа – 13 ноября 1918 г. Однако за почти столетие многие его узловые моменты мифологизировались. Один из таких мифов – «психическая» атака, будто бы предпринятая ижевцами 7 ноября 1918 г.

Есть три вещи на свете, которые можно созерцать бесконечно. Первые две из них при желании и определенных усилиях можно ощутить где угодно, это – кантовские звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Третья же находится в Ижевске. Это картина из Республиканского краеведческого музея, изображающая, по мнению ее создателей, решающий момент штурма Ижевска красными войсками 7 ноября 1918 г. «Идущие на смерть», – этой фразой из древнеримского приветствия гладиаторов «*Ave Caesar, morituri te salutant!*» можно выразить впечатление от нее. На картине плотные колонны ижевских повстанцев, плечом к плечу, подобно древнеримским манипулам, со священниками и хоругвями впереди, без выстрелов атакуют истекающих кровью бойцов красного командира Азина. Порыв атакующих поддерживают оркестр и барабанщики. Над их колоннами развеваются знамена. Причем создатели полотна, похоже, изобразили все флаги, которые им были известны. Над ижевцами плещутся красные знамена, трехцветное (типа сегодняшнего российского флага), два странных желто-зеленых стяга и даже военно-морской Андреевский флаг. Атакующие на картине идут на пулеметы (один уже стреляет, второй – подтаскивается) и пушки (не говоря уже о том, что и азинская пехота вооружена не пугачами и рогатками). Вот как эта

атака описывается считающейся классической монографией «Мятеж в Ижевско-Воткинском районе» [11]:

«В 12 часов дня, когда туман полностью рассеялся, началась артподготовка красных. Но противник, предупредив атаку красных сам, перешел в наступление. Вдруг тревожно завывла заводская сирена, потом забили колокола Михайловского собора, а затем со стороны противника появились цепи и колонны наступающих. Шли они ровными рядами под бой барабанов и ритмы духовых инструментов, неся впереди красно-зеленые знамена и хоругви. Шеренга за шеренгой ровно и четко, чеканя шаг, приближались батальоны к цепи красных, которые на первых порах смотрели на это красивое, одновременно жуткое зрелище с недоумением и нарастающим страхом. Это было как раз то, к чему давно и упорно готовились ижевские белогвардейцы (*видимо учились маршировать в свободное от работы и боев время. – Е.Р.*)... Да, это была первая психическая атака белых в гражданскую войну <...>. Враг готовил ее как козырную карту в своей колоде с тем, чтобы сокрушить красных и обратить их в бегство. Но эта атака уже была актом отчаяния <...>. **Офицерские батальоны** (*выделено мною; откуда взялись эти батальоны – неизвестно, чтобы убедиться в их отсутствии, достаточно пролистать списки личного состава Ижевской Народной армии* [43 Д. 1-3]. – *Е.Р.*) с отчаянием обреченных шли еще в психическую атаку <...>».

«<...>. Нелегко было удержаться бойцам в окопах и при психической атаке белых на пироговских высотах <...>. И здесь бойцы увидели своего любимого командира. Он скакал на беленой лошади, с неизменным красным шарфом, развевающимся на ветру. На помощь спешили эскадроны, вселившие в бойцов дух твердости и решимости. Завязался рукопашный бой, **который длился около двух часов (!) – Е.Р.** Противник был опрокинут, а остатки его стали отходить в город <...>».

«Жестокой ценой заплатил белоучредилловские мятежники за свою авантюру. Только на Пироговских высотах осталось лежать на полях около 1000 чел., а всего за 7 ноября они потеряли

убитыми до 1500 чел. Азинской дивизией было захвачено 6 орудий, 60 бомбометов, 23 пулемета, несколько тысяч винтовок, броневой поезд, 30 исправных локомотивов для узкоколейки» [11 с. 260-267]. Потери же штурмующих, по их уверениям, составили всего 40 человек убитыми и более 400 ранеными [11 с. 270].

Почти точно такую же картину находим у вечного оппонента (мягко говоря) авторов вышеприведенного отрывка:

«Вдруг за складами сверкнули медные трубы, и загремел «Егерский марш». Зашевелилась серошинельная масса, вроде бы золотопогонная. Отделился от неё кто-то под знаменем типа хоругви<...>. Ощетинились белые штыками. Зазвучали отрывистые команды. Сдаваться так не ходят. То, что ижевцы начали затем вытворять на глазах красноармейцев, было по-настоящему страшно. Многие признавались, что по спине проходил холодок. Но присутствие неустрашимого и вездесущего Азина воодушевляло.

Под звуки бодрого марша, скорым уставным шагом, чётко освещаемые солнцем, уже перевалившим зенит, на Третий сводный полк вышагивал великолепный, как на параде, отряд под командой подполковника Власова. Фуражки лихо заломлены, ижевские карабины наперевес, в зубах невозмутимо дымят трубки<...>. А сбоку, прихлопывая тросточкой по голенищу, задают ритм ротные: «Ать-два, ать-два!». Знаменосцы с саблями наголо несут развёрнутые хоругви и знамёна. И всё это под устрашающую барабанную дробь и духовую музыку, под рёв заводского и фабричных свистков (что надрывались непрерывно, как и прежде в дни особой тревоги), под колокольный звон всех церквей и собора (где продолжали молебны о победе защитников Всероссийского Учредительного собрания). Кто-то уже разглядел повязки на рукавах - череп и кости. Кто-то крикнул: «Да то батальон смертников!». Кто-то припомнил «Ударный женский Батальон Смерти», что провожали прошлым летом из Ижевска.

- Ну, раз смертники, то дадим, чего хотите!

Выдержки хватило не у всех. Там и здесь без команды щелкали одиночные выстрелы, что комариные укусы разъярённому кабану. Начдив окрикнул:

- Не стрелять! Подпустить ближе. Передать по цепи.

Замерли, стиснув зубы. Отмерили впереди на глазок полсотни шагов. Азии скомандовал «Огонь!». На таком расстоянии уже можно стрелять без промаха. И все первые ряды отряда оказались выкошены свинцом. Но надвигались новые. Казалось, никакая пуля их не берёт, так много «смертников». В эту минуту и подоспел к Казанскому вокзалу чудо-броневик.

Получасом позже и полуверстой восточнее подобная картина повторилась. Было это у самого начала Казанской дороги, петлявшей через Пироговское поле и мимо татарского кладбища. <...> Основные силы азинской дивизии пробивались от Пирогова по этой дороге. И вот там, где на взлёте холма дорога переходила в Казанскую улицу, раздался разбойничий посвист и рев. Они включились в общую городскую какофонию, сразу после арт-обстрела нагонявшую страх на наступавших. Стояли тут, как в богатом селе, полевые ворота и общественный сарай. Из-за него вывернулись офицерские цепи. И всё повторилось <...>.

Только здесь, у починка Ключи, собралось не менее тысячи ветеранов, патриотов России, прошедших и германский фронт, и эсэро-меныпеевицкую идеологическую закалку, и участие в мятежах. Они демонстрировали полное пренебрежение к смерти. Но лощёные офицеры дрогнули, не выдержав сокрушающего удара рабоче-крестьянской «дубины» <...>.

Бесовским «дирижёром» не только мадьяр, но и китайцев, татар, русских..., в тот день триумфально выступал латыш-начдив. Сначала он был на коне в первой цепи кавалерии Турчанинова. Потом Азин спрятал коня в ложине у татарского кладбища и сражался в пешем строю. Личное мужество Азина вдохновляло бойцов. Они узнавали его по красному шарфу через плечо. Первая офицерская цепь в сотню голов полегла, не дойдя даже до подошвы холма. А в сорока шагах поднималась под призывные звуки марша новая цепь, за ней ещё одна. По ним хлестнула

дюжина пулемётов полка и с фронта, и с флангов. Торжественно-размеренный шаг офицерских цепей сбился. Оркестр умолк. Уцелевшие засели во рву у окраинных домов, видно, ожидая подкрепления, но затем полезли в отчаянную рукопашную. И началась сеча. Стоны раненых, проклятья, трескотня пулемётов, звяканье стали о сталь, грохотанье орудий - всё смешалось в один вой. К вечеру только на этом пустыре насчитали восемьсот трупов белых. Ещё не менее семисот полегло на других участках.

Что же это было? Сами азинцы говорили об атаках батальонов смертников. Дело горячее, определениями, сопоставлениями заниматься некогда. Лишь много позже, с высоты исторической дистанции стало ясно, что ижевцы впервые в гражданской войне пошли в психические атаки, то есть атаки, направленные на подавление психики противника, его устрашение. Если 7 ноября было эмоциональной вершиной многодневной операции, то пиком самого дня надо считать подавление этих атак. Никогда ещё в России, и русскими вообще, они не применялись. Битва за Ижевск приняла такое ожесточение, что защитникам его пришлось идти на крайние меры<...>.

Была ли в поведении ижевцев высокоидейная жертвенность? Скорее - безысходность. Шли фронтовики - лучшие силы ижевцев. Их не расходовали, приберегая на крайний случай. Свои нарукавные повязки смертники украсили черепами вместо обычно скрещенных револьверов <...>.

На плечах противника бойцы 3-го полка ворвались на Казанскую улицу. Вот он – Ижевск <...>.

Почти не встречая сопротивления, конница Турчанинова на рысях пролетела всю Казанскую. Цель у бойцов была архиважная: не допустить взрыва плотины <...>. Разгорячённые преследованием, первые всадники были скошены огнём. Остальные успели залечь по канавам, укрыться за избами. Осмотрелись и поняли, что без помощи Гундорина не обойтись. Из винтовки не достанешь. Гранатой не возьмёшь - броску мешает заводская стена. Через четверть часа подоспела пара трёхдюймовок и с одного залпа разворотила пулемётное гнездо <...>.

Главный удар наносил полк Чеверёва. Его орлы из мусульман с кличем «Чевыря! Алга! Чевыря!» ломались за командиром в самое пекло. Им придали 3-й Уфимский латышский батальон (уточним, что в составе 4-го полка Чеверева на самом деле был 2-й Уфимский латышский батальон Я. Рейнфелдса). Это было одно из самых боеспособных подразделений дивизии. В битве за Ижевск действовала и авиация. В начале ноября по инициативе Гусева к операции был подключён Тамбовский авиационный отряд. Здесь уж вниз летели не листовки! Учредилловцы изредка тоже использовали самолёты (уточним, самолетов у повстанцев не было вообще). Но превосходство красной авиации и здесь, и вообще на Восточном фронте, неоспоримо<...>.

Отважно дрался 3-й сводный - Революционный – полк А.И. Северихина. В полдень бойцы обходным маневром приблизились к артиллерийским позициям противника, преодолев большое поле и несколько рядов заграждений. Было захвачено несколько исправных орудий. Именно этому полку, первому в Советской Армии, пришлось отражать психическую атаку. После прорыва обороны полк взял под охрану главный трофей - оружейный завод. Все входы и выходы были блокированы, посторонние удалены. Экстренные меры позволили избежать взрыва котлов и порчи станков <...>.

Героический напор азинской дивизии остался бы бесплодным без усилий множества других подразделений. Значение имели бои на северных подступах к Ижевску. Вела их восьмьдесятитысячная Особая Вятская дивизия. Её действия позволили сковать крупные силы и замкнуть клещи с севера <...>» ([41 с. 82-84]. Рассказ этот вот уже много лет переходит с разными дополнениями из сочинения в сочинение указанного автора. См. например: [42 с. 221-228]).

Как видим во втором отрывке уже не одна, а целых две «психических» атаки. Возникает вопрос – на основе чего эти волнительные тексты написаны. Ведь авторы не дают никаких ссылок на свои источники. И вот что удивительно – самым близким к ним по содержанию предстают не документы, не сви-

детельства непосредственных участников событий, а художественный текст из сочинения писателя Алдана-Семенова «Красные и белые»[1]:

«<...>. Часам к десяти утра туман стал расходиться. В дымном от непрекращающихся пожаров небе появилось чахлое, без золотого блеска, солнце. В его вялом, равнодушном свете особенно жалкими казались деревушки Завьялово и Пирогово, грязные холмы, голые березы на них.

За этими холмами был Ижевск.

За этими же холмами скрывались многоверстные окопы с пулеметными гнездами, опутанные колючей проволокой. Заграждения тремя ощеренными рядами с востока, юга и запада прикрывали мятежный город...

- Вот это подарочек, да еще в день седьмого ноября! Северихин сразу же набил трубку. Раскуривая, наклонил голову, к чему-то прислушался.

- Ты ничего не слышишь? - внезапно спросил он Азина.

- Нет, ничего. Нет...

- Духовой оркестр где-то играет...

- Теперь уже все уловили звуки оркестра. Азин поднялся на стременах, вытянул шею, завертел головой. Лутошкин сказал:

- А я и мелодию узнаю. «Наверх же, товарищи, все по местам». Ну да, мелодия «Варяга».

За бурыми холмами росла лихорадочная волна музыкальных звуков. Она катилась к Завьялову и Пирогову, и, как бы уступая ей дорогу, смолкали все посторонние звуки.

На одном из холмов сверкнули под солнцем медные трубы, тарелки барабанов и появились музыканты. За ними возникли черные, размашисто шагающие цепи. Первая, вторая, и пятая, и десятая – шли дворянские, купеческие, кулацкие сынки. В стремительном темпе взлетающих ног была какая-то твердая механическая сила.

- Они опередили нас! – крикнул Азиз. – Давай, Шурмин, скачи и Дериглазову. Пусть подпустит офицеров как можно ближе, а потом из пулеметов их!.. А хорошо, черти, идут! Пьяны, что ли? Северихин, полное спокойствие. Собьешь их с парадного шага, кавалеристы довершат дело. - Азин помчался к полустанку, где находился кавалерийский полк.

Над передней цепью, шагавшей с особенным шиком, клубилось бело-зеленое знамя, открывая скорбный лик Иисуса Христа. Рядом со знаменем, вздымая над головой большой крест, шел чернобородый священник.

<...> Люди в приближающихся цепях превратились в удобные подвижные мишени. Они двигались все так же равнодушно, блестя штыками, загнанно вздыхая...

До передней офицерской цепи оставалась какая-то сотня шагов...

- Девяносто семь, девяносто шесть, – автоматически считывал шаги ротмистр Долгушин. Он шел сбоку колонны, взмахивая маузером. Психическая атака, разработанная им в бессонные ночи, перестала быть болезненной мечтой, – она воплотилась в чудовищную действительность.

Теперь уж никто и ничто не остановило бы этих молодых, сильных людей со штыками, взятыми на руку. Они шли в психическую атаку не потому, что Долгушин опьянил их словами о воинском долге, любви к отечеству, бессмертной славе, — их гнала ненасытная злоба.

<...> Внезапно он уловил новый музыкальный ритм оркестра. Понял, что оркестр играет уже легкий, пританцовывающий Егерский марш... Как празднично режут трубы, с какой удалью ухают барабаны! – Семьдесят восемь, семьдесят семь. – Долгушин убыстрил свой шаг, и вместе с ним ускорила ход и первая цепь. Еще звучнее защелкало бело-зеленое знамя, ярче просиял крест над головой отца Андрея.

<...> Круглые огненные разрывы, дымные смерчи встали за спиной идущих офицеров.

Северихин поднялся из кустов во весь свой высокий рост...

- Огонь! – скомандовал он.

- Огонь, огонь, огонь! – пошло от бойца к бойцу короткое смертоносное слово. Заработали пулеметы, загрохали винтовочные залпы.

<...> Дериглазов исполнил азинский приказ – подпустил офицеров на пятьдесят шагов.

<...> После пулеметных очередей, когда офицерские цепи смешались, приостановились, закрутились на месте, Дериглазов швырнул в них гранату.

- За революцию!

Началась общая схватка: дериглазовцы дрались прикладами, штыками, хватали офицеров за горло, прыгали на них, сшибая на землю тяжестью тел.

<...> Азин едва сдерживал желание кинуться в гущу рукопашной схватки. Еще вчера он так и поступил бы. Сегодня же он находил в себе силу – не поддаваться соблазну. Командарм возложил на него ответственность за штурм мятежного города, и страх за возможный неуспех удерживал, и этот страх был важнее самого отчаянного героизма.

Азин следил за психической атакой с высокого бугра около железной дороги. Под бугром в березовой роще стояли кавалеристы Турчина. Он ходил по узкому гребню бугра, поглядывал на далекие дымные, то и дело меняющиеся картины боя, ожидая, когда офицерские цепи попадут под перекрестный огонь Северихина и Дериглазова. Азин надеялся: как только офицеры побегут – кавалеристы Турчина станут рубить, колоть и гнать, и гнать их до самой смертной черты. Кавалерия побеждает внезапно, и почти невозможно пехоте отбиваться от ее атак. Эту старую, любимую всеми кавалеристами истину знали Азин и Турчин и верили в нее. Но вот психическая атака сменилась рукопашной схваткой, схватка развернулась на трехверстной дуге перед городом, а офицеры все еще не бежали. Военный опыт помогал им больше, чем безумие психической атаки.

Азин почувствовал опасность изменившейся обстановки сражения. Словно подтверждая его опасения, у бугра появился всадник. Азиз узнал Гарри Стена, которого он назначил командиром «дикой роты» Второго Мусульманского полка.

Стен без шапки, с лицом, залитым кровью, чуть ли не сваливаясь с седла, крикнул:

- Рота полностью истреблена! Офицеры обошли нас с правого фланга, бойцы Второго Мусульманского бегут...

Азин, готовый к неприятным известиям о Втором Мусульманском, все же был потрясен сообщением Стена. Оттянув на груди, красный шарф, он одним махом очутился в седле.

Конная лавина хлынула за промчавшимся с бугра Азиным, вздымая тяжелую грязь. Турчин догнал Азина, и они поскакали к Завьялову, куда сместился центр боя.

Кавалеристы обрушились на офицеров, и началась схватка конницы с пехотой, в которой человеческая жизнь зависит от глупейших случайностей. Азин появлялся в самых опасных местах, но пули, клинки, штыковые удары миновали его.

Над смрадным, захмелевшим от крови, отяжелевшим от грязи, огня и пороха полем висело тусклое негреющее солнце.

Ни красные, ни белые не знали, что сражение продолжается пятый час, что число убитых и раненых с обеих сторон уже достигло двух тысяч. Бойцы Чевырева прорвались на оружейный завод и сражались на дворах, в цехах, на заводской плотине. Но чевыревцы не подозревали, что северихинцы и дериглазовцы прикладами сбивают проволоочные заграждения, рвут их голыми руками, ложатся на зыбкие колючие ряды, что они уже захватили три линии окопов, а теперь с помощью кавалеристов Турчина гонят офицеров в центр города. А все вместе они не ведали, что бронепоезд «Советская Россия» овладел станцией и стреляет из всех орудий по убегающим частям противника, что матросы Волжской флотилии и пехотинцы Первого сводного полка у деревни Динтем-Чабыя разгромили воткинцев, спешивших на помощь ижевцам. О последнем событии не знал даже Азин, появлявшийся в самых нужных местах в самый не-

обходимый момент. Связные настигали его то у Завьялова, то в Пирогове, то на вокзале. Торопливо и очень точно докладывали:

- В арсенале засели офицеры. Сдаваться не желают.

- Бить из орудий, пока не сдадутся.

<...> В пять часов мятежный город пал» ([1 с. 276-280].

Произведение автором названо романом, главы из него начали публиковаться в журнале «Вокруг света» в 1967 – 1968 гг., главная газета Удмуртии «Удмуртская правда» опубликовала отрывки, касаемые Ижевска, в 1968 г.). Такой вот ижевский Армагеддон.

Документы и сомнения

Возникает закономерный вопрос – а есть ли документы, подтверждающие эту картину. На первый взгляд – есть. Впервые она появляется в телеграмме одному из помощников Троцкого начальнику штаба Реввоенсовета Костяеву, подписанной целым коллективом авторов: начальником штаба 2-й Красной армии Афанасьевым, ее политкомиссаром Соколовым, а также их начальниками. За начальника штаба Восточного фронта красных расписался комиссар Гарф, сам за себя - политкомиссар этого же фронта Шуригин. Обратимся к ней (*здесь и далее мы будем стараться сохранять орфографические и пунктуационные особенности оригинала.* – Е.Р.):

«<...>. Сообщаются дополнительно подробности штурма Ижевска. Позиция противника у Ижевска на линии Юшур-Чудзя-Завьялово, Гондырев-Пирогово-Сенчуно на карте нет Вуко-Чудзя представляла два тире три ряда хорошо оборудованный окопов с блиндажами тяжелых снарядов, землянки для жилья наиболее важных участках окопы усиленными заграждениями два ряда <...>. 6 ноября после артиллерийской подготовки наши части были двинуты в атаку и стремительным ударом не смотря на упорное сопротивление сбили противника с укрепленной позиции заняли Завьялово-Пирогову и Кихнерово. 7 ноября после произведенной разведки началась наша артиллерийская подготовка во время которой противник перешел в наступ-

ление ударными ротами поддержанными ротами учредилонцев не смотря на губительный огонь с нашей стороны подошел к нашей линии в некоторых пунктах шагов на 50-100, К этому времени наши резервы были подтянуты и частью перешли сами в контр-атаку завязался рукопашный бой, длившейся около двух часов противник был прокинут, а остатки его отошли в Ижевске. В это время бронепоезд Свободная Россия с ротой железнодорожного батальона восстановив сожженные мосты, ворвался на станцию Ижевск заставил отступить бронепоезд противника и открыл огонь в тылу. Остатки противника уже на самой окраине Ижевска оказывали слабое сопротивление. На правом фланге Смоленский полк к двум часам сбил противника у Завьялова и обратил его в бегство.

Мусульманский полк задачи не выполнил, а бросив шесть орудий пулеметы и винтовки, в панике бежал от первых выстрелов противника. Противнику удалось вынести орудия, а пулеметы направить против наших частей, действующих в районе Пирогова. Резервы противника направленные из Воткинска в район Завьялова были остановлены 1 сводным полком, который в ночь на 6 высадился с пароходов у Гольян в течении ночи форсированным маршем достиг деревни Динтем Чабы и привлек эти резервы на себя. В 17 часов 40 минут бой затих в бой вступила конница, не встречая сопротивления, был введен третий сводный полк остальные части противника продвинулись севернее Ижевска на линии Поздеры-Яушур-Чудая и Огирман. Наши потери в течении 7 ноября убито 40 и ранено 400 человек у противника убито до 1500. Нами захвачены трофеи 6 орудий, 60 бомбометов 23 пулемета несколько тысяч винтовок, броневой поезд 30 исправных локомотивов для узкоколейки, подвижной состав широкой колеи и много прочего войскового имущества, которое еще не приведено в известность. Казначействе найдено пять миллионов рублей денег точка Главная тяжесть боя и главный удар был нанесен 3 и 4 сводным Смоленскими полками <...>» [21 Д. 113. Л. 11].

Вышеприведенный документ датируется 14 ноября 1918 г. Отправлен из Вятских полян. Двумя днями позднее, а именно 16 ноября того же года, но за подписью уже только двоих из четверых (Афанасьевым и Соколовым) авторов процитированной выше телеграммы наверх (на этот раз на имя командующего Восточным фронтом Каменева) ушел почти такой же текст (добавилось только еще три будто бы захваченных пулемета) [21 Д. 61. Л. 59-61]. Подробный доклад, полностью совпадающий по смыслу с вышеприведенными документами, был отправлен в центр непосредственными командирами штурмующих, командармом-2 Шориным и членом РВС армии Гусевым примерно в тоже время (на документе стоит армейская печать, но он не датирован) [22 Д. 84. Л. 26-27. Подлинник].

Вроде бы все достаточно убедительно. Но вот что показалось странным – победные реляции о полном «разгроме» ижевцев ушли в центр более чем через неделю, после того как пал Ижевск и в день, когда в основном была завершена эвакуация повстанцев за Каму. И еще – обнаружился документ, который поставил под сомнение содержание вышеприведенных телеграмм. Отправлен он был поздним вечером 7 ноября, когда будто бы был взят Ижевск. Подписали его все те же – начальник штаба 2-й Армии Афанасьев и ее политком Соколов:

«Т Е Л Е Г Р А М М А

Арзамас Комфронт Каменеву Симбирск Командиру (так в оригинале. – Е.Р.) Блюмбергу.

Из 1 П Т О Н Р 487 БСЛВ 7 19 20 Арзамас.

Только Арзамас

Оперативная сводка 2 армии **к 24 часам 7 ноября** (*то есть, на этот момент Ижевск еще не взят. Хотя, в более поздних приведенных выше телеграммах заявляется, что красные взяли его в 17 часов 40 минут 7 ноября!* – Е.Р.) карта 10 верст в дюйме на Ижевском-Воткинском направлении при выполнении боевой операции против Ижевского мусульманский полк Петроградской дивизии самовольно оставил позицию и рассеялся, бросив и шесть орудий все пулеметы винтовки и

обозы точка Наш бронированный поезд продвинулся до станции **пехота в преддверии Ижевского завода ведет упорный бой** ((!) – *Е.Р.*) запятая противник оказывает сопротивление <...>» [21 Д. 61. Л. 37].

Таким образом, получается, что телеграмма от 7 ноября 1918 г. на имя Ленина от Реввоенсовета 2-й армии была преждевременной: «Доблестные войска 2 армии шлют горячее поздравление с великим праздником и подносят г. Ижевск. Сего числа в 17 часов 40 минут г. Ижевск взят штурмом. Командарм-2 Шорин. Политические комиссары Гусев, Штернберг» [22 Д. 1. Л. 62].

Подсчеты погибших за 7 ноября и ближайшие к нему дни заставили так же, по меньшей мере, задуматься о достоверности описаний боев, содержащихся в указанных документах. Так анализ данных метрических книг ижевских церквей и записей органов ЗАГС дал следующий результат: погибшими насильственной смертью 7 ноября по всем ним числятся 48 человек, из них только 11 как «убитые в бою». Из них один был отпет и похоронен после взятия Ижевска колчаковцами 13 апреля 1919 г. Вместе с ним были отпеты и перезахоронены десятки повстанцев погибших в другие дни восстания или расстрелянных красными после его поражения. Однако из данных этих метрических книг, а также из журнала боевых действий 3-го полка красных, которому приписывается решающая роль в «штурме» Ижевска следует, что боевой контакт в «боях за Ижевск» между противниками сохранялся и 8, и даже 9 ноября [32 с. 155-157]!

Не менее показательным является и то, что за указанные дни по «книгам мертвых» не числится ни одного отпетого заочно. Такие отпевания были обычным делом, когда тело погибшего было недоступно для траурных процедур.

Участники событий и пресса свидетельствуют

Следуя «заветам» шотландских историков, обратимся к свидетельствам непосредственных участников событий и местной прессе. В последней, ни сразу после подавления восстания,

ни в 20-е гг. не появлялось ничего подобного, приведенным выше описаниям каких-то «психических» атак. Так газета «Сарапульская трудовая коммуна», выходившая в столице уезда г. Сарапул, который был взят красными войсками еще 5 октября, ни в одном из номеров не содержит подобных описаний. Уже в первом номере от 10 ноября она сообщает: «Доблестные части Красной армии штурмом 7-го ноября взяли Ижевск» [37 № 1. 1]. Никаких «подробностей» о штыковых боях и массе убитых под Ижевском повстанцев не появляется и в последующих номерах. Так в № 2 от 12 ноября в оперативной сводке за 7 ноября просто сообщается, что «в Воткинско-Ижевском районе наши части взяли штурмом Ижевский завод», но с интересным добавлением «в восточном направлении наша часть, занимавшая Денежный Ключ была окружена противником, но пробилась на Мышкино» [37 № 2. 3]. То есть, о том, что «разгромленные» повстанцы еще и окружают красные части! И даже статья политика Яковлева (одного из соавторов вышеприведенного мифа) «По поводу взятия Ижевска и Воткинска» в № 11 от 22 ноября «скромно» опускает все сообщенные ранее начальству подробности [37 № 11. 3]. Пожалуй, только в № 5 от 15 ноября в статье «Из Ижевского плена» некий автор, скрывшийся за псевдонимом Я-нев, дает описание «штурма» восставшего города: «Наступление на Ижевск, как известно, было начато в 4 часа утра 7 ноября. «Доблестные» защитники Ижевска были застигнуты спящими в окопах и сотнями переколоты. Ижевцы отступили, было, к Ижевску и оцепили его, но потом бросились бежать. <...> По обыкновению тревожно гудел свисток. На площади выстроились музыканты, чтоб с музыкой провожать рабочих на фронт – но начавшийся обстрел Ижевска из орудий разогнал их. <...> Наконец, Ижевск опустел, а вечером вступила Красная Армия <...>. Благодаря панике, царившей в лапотных бандах, Красная Армия взяла Ижевск с ничтожными потерями: 1 убит и 13 ранено» [37 № 5. 3].

И совсем избегает подробностей «штурма», описанных в вышеприведенных сообщениях начальству, начавшая выходить в

Ижевске с 10 ноября 1918 г. красноармейская газета «Борьба». Она сообщает об «изменниках-вотяхках», валяющихся убитыми на улицах, упрекает ижевских рабочих за «позорные деянья последних месяцев», публикует списки казненных красными [5№№ 32-40], но собственно о боевых действиях последних дней восстания молчит. Все двадцатые годы ситуация не меняется. Почти к каждому советскому празднику выходят материалы, в которых клянут повстанцев, восхваляют их доблестных победителей, но ничего подобного сообщениям о масштабных боях и т.п. не появляется [см., например: 13 № 7. 1923. 3; № 253. 1927. 2].

Только в 1928 г. печатаются воспоминания одного из участников взятия Ижевска, в которых дается описание попытки контратаки повстанцев, отдаленно напоминающее доклады красных командиров: «Идет решительное наступление на Ижевск, подходим к станции, слышим звуки оркестра, навстречу нам отряд и впереди **один со знаменем**. Сначала думаем – мирная делегация, но нет: открывают перестрелку. **То были жалкие остатки белых – «батальон смерти»** (выделено мною. – Е.Р.), свое наименование который поистине оправдал, т.к. нашей частью он был целиком расстрелян. Так в первый раз был освобожден от белогвардейского разгула Ижевск» [13№ 46. 1928. 2-3]. Примечательно, что это свидетельство в значительной мере совпадает с фактурой, напечатанной в 1919 г. в колчаковских газетах:

«<...>. Батальон полковника Власова не только бил и гнал вдесятеро более многочисленныя красныя банды, но и очень деятельно и очень действительно «поставлял» на нашу молодую армию отнимаемое у большевиков оружие и имущество. Упомянем здесь только один, – но далеко не единственный случай, когда «безсмертный батальон» отнял у врага и отправил, куда нужно, **9 орудий, 63 пулемета и 300 повозок** (выделено в самом тексте. – Е.Р.) [Речь идет о разгроме Мусульманского полка 5-7 ноября 1918 г. На самом деле по признаниям с обеих сторон орудий было захвачено шесть (см. ниже)].

Горсть героев таяла день ото дня; наконец, 8 ноября был тяжело ранен и сам А. А. Власов (*во время последнего боя за Ижевск. — Е.Р.*); остатки его батальона, попавшие под перекрестный огонь красноармейцев и потерявшие 17 человек, убитыми, пробились к Уфе. Раненого командира вынес на себе молодой рабочий Карпов. Ижевск, а за ним и Воткинск пали <...>» [6 1919. 27 марта. 1].

О том же значительно позднее сообщал главный историограф восстания А.Г. Ефимов: «Один из участников боя последнего дня защиты завода 7 ноября рассказывал, как был собран последний резерв. Это была сводная рота, куда вошли все, кто еще оставался на заводе по разным причинам, не мог теперь попасть в свою роту или не знал, где ее искать.

Командовал ротой полковник Власов, пользовавшийся любовью и доверием как храбрый и распорядительный офицер. Когда потерявшие свои роты бойцы узнавали, что командует Власов, они охотно присоединялись к этой сводной роте. Всего набралось около 300 бойцов. Рота по Казанской улице вышла к станции Ижевск, находившейся в одной версте от завода. Здесь она заняла окопы недалеко от татарского кладбища. На кладбище и левее в большом количестве накапливался противник. Полковник Власов решает помешать красным в их сосредоточении и подготовке к штурму и атаковать их теперь же. Он отдает распоряжения и сам первый, со знаменщиком и одним бойцом, выскакивает из окопа и бросается к кладбищу. Одновременно доброволец А. Т. с пятью бойцами бросаются левее.

Но у красных уже стояли наготове пулеметы, и их огонь перебил всех выскочивших вперед и заставил остальных поднимавшихся для атаки укрыться в окопе. Полковник Власов был тяжело ранен, и его с большим трудом вытащили из-под обстрела. У рассказчика-добровольца была перебита нога. Он начал ползти к окопу. К нему выскочила гимназистка Попова, работавшая сестрой милосердия и отличавшаяся необыкновенной смелостью, и хотела перевязать раненую ногу. Пуля ранила ее в голову, и лицо ее залилось кровью. Доброволец приказал ей бе-

жать зигзагами в окоп. Ему удалось самому доползти до окопа, где его перевязали и отправили в тыл.

После нескольких настойчивых атак красные захватили станцию. Она была оставлена в 2 часа дня. Около же этого времени были очищены другие пункты, лежавшие впереди завода, и защитники отступили на последние позиции у окраины завода.

Утомленные боями и потрясенные упорством обороны, красные не чувствовали уверенности в окончательном успехе, остановились и набирали силы для дальнейших действий. Ночью они бездействовали <...>» [12 с. 76-78].

Всего в архивах отложилось много десятков дел с воспоминаниями участников последних боев за Ижевск. Ни в одном из них, написанном в 20-е гг. нет ничего похожего на что-то «психическое», как нет этого и в советских научных работах того времени [25].

Латышские стрелки и падение Ижевска

Теперь рассмотрим латышские свидетельства. Прежде всего, касающиеся «решающей роли» латышских стрелков в штурме Ижевска 7 ноября 1918 г. и отражение ими так называемой «психической атаки» повстанцев (см. подробнее [29]). Первое — нет ни слова о каком-либо яростном штурме Ижевска и у латышских советских историков [54 I. 1934. 304.—311 lpp; 54 I. 1935. 347. lpp.]. Хотя, в мельчайших подробностях описываются бои где-нибудь под местечком Чембары или разгром латышскими стрелками какого-то малоизвестного мятежного Ртищенского совета. При этом собственная героизация латышам тоже была не чужда. Правда, зиждилась она на чем-то малосущественном. К примеру на том, что Латышский батальон, якобы, «дважды отбил наступление ижевских мятежников на Сарапул» [16 с. 280]; или как доблестных латышских стрелков «освобожденные» ими рабочие и крестьяне повсюду встречали с красными флагами (в частности, это будто бы произошло в Воткинске) [54 1934.I. 304.—311. lpp.; 40 с. 215-216, 225-226].

Наиболее значимым представляется свидетельство о последних днях Ижевского восстания командира латышских стрелков Яниса Рейнфелдса. В них стрелки наступают, жгут села сторонников повстанцев и расстреливают их, теряют товарищей, но ни о каких битвах в штыки стенка на стенку нет ни слова. Вот как он описывает пресловутый день 7 ноября 1918 г.

«<...>. Sāka jau satumzt, kad mēs aizzneedzām sādžu, no kuras līdz Ižewas rūpnīcai bij astoņi kilometri. Ari tur nebij neveena baltgvarda. Veetejee eedzīvotaji – votjaki stāstīja, ka eenaidneeks atztājis sādžu ap pusdeenas laiku, aizgājis uz Ižewas pusi.

Ta kā bij jau pilnīgi satumztes, tad tālaka virzišanās uz preekšu bij jāatleek.

<...>. Ierādā (слово в рукописи затерто, восстановлено – по смыслу. – *E.P.*) stāwoklī mani bataljoni palika uz weetas līdz rīta gaizmai. Wisapkart bij klusūms, pat centrā nebij dzirdams ne mazākais kaujas trokznis.

<...>. Kad izjāju pee bataljoneem, ausa jau deena. Preekšā pa kreisi bij redzama sādža, apmēram 1½ kilometra atztatumā no mūsu apmešanās weetas. Pēc 10 minūtēm kaujas kārtībā virzijamees uz mineto sādžu, bet ari to eenaidneeks bij atstājis. Ejot sādžu mums fronte bij japagreež teeši uz Ižewas rūpnīcas pusi, t.i. uz zeemeļrīteem. Preekšā bij neleels uzkalns, tālak paleela līdzena grawa, kura izbeidzās pee neleelas upītes. Aiz upītes pacēlās ztāwa kraujā un kalns. Pa labi uz kalna atradās tīrumi, pa kreiji – mežs, pašā centrā Alekzandrowskas ceems.

No minētā kalna līdz Ižewas rūpnīcai bij 2 kilometri. To aizsedza beežs jauns egļu mežiņš. Uz ztāwas kraujās aiz upītes bij eenaidneeka galwenu eerakumi, kuri izlocījās pār druwām pa labi Alekzandrowskai.

<...> Eenaidneeka uguns gandrīz apklusā. Talab es nekawejoši dewu pawēli wirzitees uz preekšu. Uzjāju kalnā, kur atradās eenaidneeka pamestās pozīcijas. Eenaidneeks bij atkāpees nekārtībā, atstājis plintes un patronas. Drīz ween abi bataljoni uzkapā kalnā, no kureenes leņā ežermalā bij redzama Ižewas rūpnīca. Rudens reetošās zaules ztari apzpīdeja māju jumtus un leesmoja logu ztiklos.

Kaut kur labajā ztūrī pār beežā meža galotnēm pacēlās balti dūmu stabi. Tur kaut kas bij aizdedzinats.

Mēs izšāwām uz rūpnīcas pusi 2 ložmeteju lentes, bet atbildes nebij nekādas. Eeradās arī Čewerows. Pēc dažām minūtēm pa meža ceļu kolonās dewamees uz Ižewas rūpnīcu. Kad nonācām pee pirmajām mājām, zāka jau tumst. Peenāca arī 3. pulks. Mēs saņēmām pawēli no Azena pilsētā eekšā neet, bet eelenkt viņu un palikt uz weetās.

Kawalerija tajā pašā wakarā eejāja pilsētā. Tā tad, 7. jā novembra wakarā Ižewas rūpnīca bij eeņemta.

Naktī pilsēta bij eelenkta no trijām pusēm uguns lokā, jo ztrēlneeki wizās nakts dēļ kūra ugunkurus. Eenaideeks bij no rūpnīcas atkāpees uz Wotkinzkas pusi. Leelakā daļa no Ižewas aizztāwjeem bij izklīduši un izkaiziti pa mežēem rūpnīcas apkārtnē.

Pee balto atkāpšanās, peewakarē, pirmo mūsu eerašanās weeti-jee ztrādneeki apzargaja galwenās ezera zlūžas, kuras otrā deenā atdeva mūsu apsardzībā.

Beedris Čewerows aizjaj atpakaļ uz Aļekzandrovku, kur nosvinejis uzvaru, eemezdams pašdzīto, kuru viņš ceenija un no ta neatteicās jebkurā brīdī.

Pulksten 10 wakarā, ciktāl nebij nekādas pawēles no Azena, es jāju peecus kilometrus pa Ižewas traktu uz aizmuguri, kur kādā neleelā mājēlē atradās Azens. Viņš guleja atlaidees uz zola.

Pastāstīju viņam par apztākļēem pee Ižewas. Paliku pee viņa pārnakšnot. Gaismai austot atgriezies atpakaļ Ižewā.

Jādams pāri uzkalnei, kura bij pārs atstatumā no rūpnīcas, uzdūros uz līķēem, kuri bij izkaiziti pa lauku. Tee bij wakar krituše Ižewas aizstāwetaji.

Pusdesmitos no rīta es ar saweem bataljoneem eejāju Ižewas rūpnīcas sētā. Apmetāmees reetumu nomalē ztrādneeku kwartalā. 3. pulks apmetās pilsētas centrā.

Tā beidzās baltgvaru centra – Ižewas rūpnīcas eeņemšana, kurai preekš rewolucionarās armijas turpmakām cīņām bij leela nozīme <...> ([56 c. 99-108 (50-56)]. Восстановление текста рукописи-палимпсеста и перевод со старолатышского мои. – E.P).

«Начало уже темнеть, когда мы достигли деревни, от которой до Ижевского завода было 8 километров. Здесь так же не было ни одного белогвардейца. Местные жители – вотяки рассказали, что противник оставил село к полудню, уйдя в сторону Ижевска. Так как уже полностью стемнело, продвижение вперед пришлось отложить.

<...> В этих обстоятельствах мои батальоны остались на месте до рассвета. Повсюду было тихо, даже в центре не было слышно ни малейшего звука боя.

<...> Когда подъехал к батальонам, день уже начинался. Впереди справа была видна деревня, примерно в полутора километрах от нашего местонахождения. Через 10 минут в боевом порядке двинулись к упомянутой деревне, но ее неприятель тоже оставил. Пройдя деревню, нам фронт нужно было повернуть прямо в сторону Ижевского завода, т.е. на северо-восток. Впереди был небольшой пригорок, далее – большой ровный овраг, который заканчивался небольшой речкой. За речкой поднимался крутой обрыв и гора. Справа от горы были пашни, слева – лес, в самом центре – село Александровское.

От упомянутой горы до Ижевска было 2 километра. Его прикрывал густой молодой еловый лесок. На крутом обрыве за речкой были главные окопы противника, которые располагались на нивах справа от Александровского.

<...> Вражеский огонь почти затих. Потому я незамедлительно отдал приказ продвигаться вперед. Я въехал верхом на гору, где располагались брошенные вражеские позиции. Противник отступил в беспорядке, оставив винтовки и патроны. Скоро оба батальона поднялись на холм, откуда был виден лежащий внизу на берегу пруда Ижевский завод. Лучи осеннего красного солнца падали на дома и зажигали оконные стекла. Где-то справа за верхушками деревьев густого леса поднимались белые дымки. Что-то где-то было подожжено.

Мы выпустили в сторону завода две пулеметные ленты, но ответа никакого не было. Подошла также по лесной дороге колонна Чеверева. Через несколько минут мы двинулись к

Ижевскому заводу. Когда спустились к первым домам, начинало уже темнеть, подошел также и 3-й полк. Мы получили приказ от Азина – внутрь города не входить, но окружить его и оставаться на местах. В этот же самый вечер кавалерия вошла в город.

Так 7 ноября, вечером, Ижевск был взят.

Ночью город был окружен с трех сторон дугой огня, это стрелки на своих местах жгли костры. Противник отступал от завода в сторону Воткинска. Большая часть защитников Ижевска рассеялась и рассыпалась по лесам вокруг завода.

После отступления белых, накануне вечером, перед нашим приходом местные рабочие взяли под охрану главные шлюзы пруда, которые на другой день передали под нашу охрану.

Товарищ Чевереv помчался верхом обратно в Александровку, где праздновалась победа, оставив самогон, который он любил и от которого не отказывался ни в какой момент.

В десять часов вечера, поскольку не было никаких приказов от Азина, я отправился верхом по Ижевскому тракту на пять километров обратно в тыл, где в каком-то небольшом домике расположился Азин. Он спал, улегшись на лавке. Я рассказал ему о положении под Ижевском. Остался у него ночевать. С наступлением рассвета вернулся обратно в Ижевск.

Проезжая верхом через пригорок, который был в паре километров от завода, наткнулся на трупы, которые были разбросаны по полю. Это были павшие вечером защитники Ижевска.

В половине десятого утра я со своими батальонами въехал за черту Ижевского завода. Расположились на восточной окраине рабочего квартала. 3-й полк разместился в центре города.

Так завершилось взятие белогвардейского центра – Ижевского завода, что для последующих боев революционной армии имело большое значение <...>».

Как видно, в этом описании нет никаких «массированных беспатронных атак» ижевцев, ни стойкого сопротивления им латышских стрелков, ни мчащегося впереди них с шашкой на коне или на бронепоезде В. Азина, ни прочих, столь популярных сегодня страстей в описании решающих боев за Ижевск 6 –

7 ноября 1918 г. [30, 31]. Весь бой описан, как обычная солдатская работа, а ведь латышские стрелки находились на острие главного удара.

«Из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк» (В.И. Ленин)

К середине 30-х гг. ситуация резко меняется – сначала в газете «Ижевская правда» в номере от 7 ноября 1934 года впервые среди местных СМИ публикуется статья «Описание штурма гор. Ижевска войсками Второй армии 6 - 7 ноября 1918 года» за подписями командарама-2 Шорина и члена Реввоенсовета Гусева. Статья полностью повторяет их недатированное «Описание штурма <...>» 1918 года (см. выше), но в ней появляется и нечто новое - среди прочего сообщается: «Нами захвачены трофеи: 6 орудий, **6 самолетов**, 23 пулемета <...>» [15 7 ноября 1934 г. 2.]. По красным документам, документам повстанцев и воспоминаниям ни одного самолета у антибольшевистских сил в районе восстания не было. Но после этого эти самолеты (вместе с кучей убитых ижевцев) надолго войдут в советскую историографию, пока под влиянием здравого смысла не «улетят» на одни известные им аэродромы в 60-е годы.

Сразу вслед за этим происходят существенные изменения у ряда мемуаристов. Наиболее показательными здесь представляются воспоминания бывшего командира железнодорожного отряда Ф.Г. Моисеева (*орфография оригинала, насколько возможно, сохранена. – Е.Р.*): «<...> Как разъяренные быки бросились белые «ударные батальоны смерти», сверкая своею эмблемой на которой вырессовывалась череп и кости. И забыв они всякую осторожность захлебнувшей радостью отступлению красных частей. Расстроенным строем преследовали железнодорожный батальон (*угол тетрадного листа здесь оторван. – Е.Р.*) <...>. Как эхо раздалось над полями. Это Полтавцы и Чевеверцы сомкнули ряды и заперли ворота выхода батальону смерти белых и ударили в тыл противнику. Громкая команда «Баталион,

стой, за мной вперед». Как вкопанные остановились бойцы, с отступления перешли в атаку и начали бить зарвавшегося противника. Перекрестным огнем из пулеметов Полтавцы и Чеве-ревцы жали батальон смерти как стадо овец. Бросились белые обезумев от страха, кидая винтовки бегали по Поркачевскому полю. Расправились красные с ударным батальоном белых, че-тыреста пятьдесят трупов усеяли Паркочевское поле <...>. Рука воткнула (*угол листа опять оторван. – Е.Р.*) дерево в рыхлую землю. Золотом и серебром кросовалас эмблема покосившееся черепа и костей, печально смотрел на уложенных рядами своих героев. «Спасибо жел байцам» раздался голос начшадива 2 Ази-на <...>» [44 Д. 46. Л. 85-86].

Текст этот не датирован, но написан, судя по сопутству-ющим ему документам и судьбе самого автора (был репресси-рован в 1940 г.), создан он не ранее 1935 г. По своей сути он яв-ляется ничем иным, как пересказом «психической» атаки будто бы каппелевцев из фильма «Чапаев». Только «атака» эта была перенесена на район Ижевского восстания. И что примечательно – автор досочинялся до такой степени, что перенес ее под Сара-пул (уездная столица в 60 км от Ижевска), который был взят Красной армией почти бескровно 5 октября 1918 г., т.е. более чем за месяц до падения Ижевска.

«Чапаев» вышел на экраны страны 4-5 ноября 1934 г., ши-рокий и повсеместный показ прошел 7 ноября того же года. Ре-зультаты его показа отразились даже на таких суровых людях, как Янис Рейнфелдс. Выше мы приводили отрывок из его вос-поминаний, написанных в 1926-1927 гг. Через 30 лет командир красных латышских стрелков напишет воспоминания на рус-ском языке. И в них уже появляется рассказ о золотых погонах, блестящих мундирах, офицерском ударном батальоне и пр.: «Над Ижевским оружейным заводом был поднят белый флаг, под который стекались со всех сторон офицеры чиновники раз-ных чинов и рангов. Оказалось, что этих господ было так много, что был создан специальный ударный офицерский батальон.

Сожалению этим генералам стоило бы сказать, что эти ударники в блестящих мундирах, золотыми погонами есть для Ижевской белой армии пустой цветок. Так и было, в октябре он кончил свой поход и свое существование под кон[т]рударом чашей нашего молодого полка под дер. Волково где был разбит на голову» [24 с.46-47].

Здесь, как и в сочинении Моисеева, и время, и место тоже отличаются от официально признанных. Волково находится в 30 километрах от Ижевска, погон в войсках Комуча не носили, да и октябрь – это не ноябрь и т.д.

Впечатлил «Чапаев», похоже, не только мемуаристов - участников событий, но и писателя Алдана-Семенова, и ижевских, а через них и мн. других авторов. Недаром и сегодня появляются тексты, подобные следующему: «Ожесточенность сопротивления иллюстрируют атаки ижевцев и воткинцев, когда они, сомкнутыми рядами, **без оружия** (!) *(выделено мною. – Е.Р.)*, опустив ремешки фуражек под подбородок, многие с папиросами в зубах *(вообще-то с табаком у повстанцев было туго и курили они самокрутки. – Е.Р.)*, сомкнутыми рядами, без оружия *(опять! и дались ему эти ряды. – Е.Р.)* - шли на наступающие цепи и пулеметы советских войск, заставляя последних, бросая оружие и окопы отступать» [17 с. 442].

Само же повествование о «психической» атаке ижевцев до последнего времени считалось фактически хрестоматийным. Так оно подробно воспроизводится даже в издании Уральского отделения РАН «История Удмуртии XX век»: «<...> 6-7 ноября состоялся штурм Ижевска. Сильнейшие бои развернулись на Пироговских высотах, где после психической атаки ижевских мятежников и двухчасового рукопашного боя остались 1,5 тыс. убитых белогвардейцев. Ижевск был взят 7 ноября 1918 г. в 17 час. 40 мин. <...>» [10 с/ 75-76]. Или менее пафосно, как это можно найти у одного из историков из фонда «Русское зарубежье»: «<...> Ижевским рабочим не оставалось ничего другого, как только утром 7 ноября по заводскому гудку предпринять массированную беспатронную штыковую атаку. <...> От со-

вершенно неожиданного и сокрушительного разгрома Азина спасла лишь стойкость латышского полка Чеверева (*такого латышского полка просто не было.* – Е.Р.)» [20 с.6].

Стоит признаться, что и автор этих строк тоже определенное время находился под влиянием этого мифа, что отразилось в написанном им предисловии к одной из книг о восстании [34 с. 11-18]. Но сомнения некоторые всегда все-таки были. А все началось с малого – держа, может быть, где-то в подсознании опыт А. Фергюсона (а именно идейное наследие этого шотландца было рекомендовано автору для отдельного изучения М.А. Баргом), вместе со студентами лет 8-9 назад мы попробовали пройти по полям, где будто бы и произошла ижевская «психическая» атака с последующим многочасовым рукопашным боем. Результат несколько озадачил – пройти по этим пространствам в начале ноября весьма проблематично, т.к. они представляют из себя пашни на суглинистой почве. То есть ноги просто вязнут. Опыт этот повторялся и в другие годы, когда было чуть холоднее или чуть теплее. Но результат был одинаков – пройти развернутым строем там просто невозможно! Этот эксперимент и послужил одним из толчков к специальному исследованию данного вопроса.

От фантазий к реальности истории

И все-таки возникает вопрос – а было ли что-то реальное под разобранными выше фантазиями? Ответить на него могут, по методологии шотландцев, документы первого ряда. Но не «хорошо составленные анналы» или свидетельства участников событий, которые, как мы видели, могут быть достаточно противоречивы, а военные документы. Сразу стоит отметить, что в документообороте повстанцев, «белой» прессе и воспоминаниях всех (!) участников событий со стороны восстания ничего подобного описаниям «психической» атаки, приведенным выше, нет. Хотя, казалось бы, это могло бы быть для них только предметом гордости. А вот в документах частей Красной армии, бравших Ижевск, их более чем достаточно. Это в первую оче-

редь «переговоры по прямым проводам» командиров разного уровня, военные телеграммы, полевые книжки, следственные дела ЧК и т.п. И вот в них, нечто похожее на «психическое» встречается. Однако не в то время, и не в тех местах. Но сначала по ситуации по этим документам под Ижевском на начало ноября 1918 г. Здесь можно сделать однозначный вывод о том, что концепция советской историографии, согласно которой для Красной армии «Ижевско–Воткинская операция является армейской операцией того времени на окружение противника, имеющего двойное превосходство сил по численности» [39 т.3 с. 497-498] суть ни что иное, как серьезное преувеличение, если не искажение реальных событий. На самом деле, к концу октября – началу ноября Советское командование смогло сосредоточить под Ижевском силы, которые имели над повстанцами не только численное превосходство в живой силе, но и, что более важно, подавляющее превосходство по тяжелому вооружению и обеспечению боеприпасами. Только с юга Ижевск был блокирован силами не менее чем 16 полков, против которых он смог выставить только 2 регулярных сформированных полка и еще один полк находился в стадии формирования. Положение с артиллерией у повстанцев и вовсе было плачевным – против 40 легких и 20 тяжелых орудий Красной армии на этом направлении они могли выставить только 4 легких пушки. К тому же в этой связи – при подсчете артиллерийского вооружения нельзя забывать о флотилии Ф. Раскольникова, вошедшей в акваторию Сарапула 16 октября 1918 г., которая имела не менее сорока орудий разных калибров (из них только на «пловучем форте» «Атаман Разин» было установлено четыре 130-мм дальнобойных орудия значительная часть которых легко могла быть снята с палуб и придана пехоте (подсчитано по: [4 с. 364-375; 18 с. 37-38; 45 с. 18-25, 50-52])).

Не лучше, чем с артиллерией в Ижевской Народной армии обстояло дело со снарядами и патронами, о чем было прекрасно, как было показано выше, осведомлено командование красных. Так как отмечалось, что накануне решающих боев в ее распоря-

жении было только пять легких орудий (четыре из них действовало по периметру обороны Ижевска, пятое находилось на левом берегу Камы в районе Камбарки) и одно практически бездействующее тяжелое при наличии 3920 снарядов (в основном ижевской или воткинской сборки, плохо разрывающихся) (см. специально об этом подробнее [27 с. 83-99, 139-150]).

При этом все вышеизложенное было хорошо, чуть ли не до мельчайших деталей, известно красным командирам (но оказалось, по разным причинам, «неизвестным» историкам восстания). Так комиссар 2-й армии Д. Зорин накануне падения Ижевска писал в армейской газете: «<...> в «Народной» (?) Армии началось брожение. Убежать бы, да не находят выхода куда бежать? – и ждут наступления Красной Армии.

Патроны выдаются по 10 шт. Имеются 4 орудия и на каждое из них по 10 снарядов <...>» [5 29 октября 1918. № 21. с. 3].

Из документов (соотношение сил):

«15 Окт. Т е л е г р а м м а <...> Начальнику штаба дивизии Пашковскому <...> о со стороны Перми движется флотилия при 12 орудиях запятая а также Пьяный Бор занят нами точка Белые чувствуют себя нервозно взятые в плен передают картинки смешные силы их житки точка <...> Подп. *Азин* <...>» [23 Д. 621. Л. 236–236 об.];

«24 Окт. Т Е Л Е Ф О Н О Г Р А М М А Командиру 3-го полка Северихину <...>. От Ижевска тряпки останутся при такой мощной артиллерии <...>. Подп. Начальник дивизии *Азин*» [23 Д. 621. Л. 352].

«<...>. 26 окт. Артиллерии у нас слишком много не куда девать точка В одной Пурге 10 орудий точка <...>»;

«27 [октября] точка Артиллерии очень много 8 орудий в резерве <...>. *Азин*» [23 Д. 621. Л. 366, 377].

«27–28/ 10. <...> – Кто просит Азина? – От имени Командарма просит адъютант Новиков. Ижевцыдохнут без хлеба накормите химическими снарядами. Счастливый путь. <...>» [23 Д. 621. Л. 210-216, 218-222].

«Кому – Командиру Смоленского полка 1918 г. 8 ноября <...>. Место отправления Штаб дивизии ст. Ижевск <...>. Сил у нас много 12 полков. Чувствуем где-то завтра намнем бока Воткинску. <...>.

P.S. Город окружен тесным плотным кольцом в резерве 4 полка. *Азин*» [23 Д. 54. Л. 32].

«Разговор тов. Азина с Пашковским. – 29/10 – <...>. Надежды на скорое падение Ижевска успех обеспечен прибывающими резервами <...>» [23 Д. 54. Л. 239-252].

В описанных событиях уникальным является то, что даже в этих безнадежных условиях Ижевск продолжал драться. 10 сентября почти без сопротивления пала Казань, вслед за ней без сопротивления Симбирск и Самара – столица Комуча, после занятия Красными частями Агрыза и Сарапула (4 и 5 октября соответственно) вопрос падения Ижевска был уже predetermined. Когда часть высшего военного и политического руководства (начальник штаба Зебзиев, командующий артиллерией Трегубов, сам главнокомандующий Прикамской Народной Армии Федичкин и др.) предпочла покинуть район боевых действий, ижевцы нанесли противнику ряд чувствительных ударов, о которых забыли историки «белые» и старались не вспоминать историки «красные».

Из документов («психические» атаки ижевцев):

«Разговор Азина с Ком. 2. 26/X. <...>. части противника стойко отражали наше наступление <...>» [23 Д. 621. Л. 203-204].

«Разговор по телеграфу тов. Пашковского, 28 октября 1918 Кавалерия вместо того чтобы из дер. Старая Кены связаться с Юсками или Старовеньино бежали позорно кто в Сарапул, кто в Кичево. <...> Противник на смоленцев наступал цепями и колоннами кажется пьяные до трех тысяч <...>» [23 Д. 71. Л. 9];

«Разговор тов. Азина с Пашковским. – 29/10 – <...> противник с развевающимися знаменами сестры милосердия впереди наступал не цепями, а густыми колоннами эшелонами безпрестанно подвозили пополнение (Описывается бой за Гольяны

– юг-восток, пристань на Каме около 50 км от Ижевска) <...> Ижевск белые вели наступление также цепями но были отбиты <...>» [23 Д. 621. Л. 239-252].

«Разговор по прямому проводу члена Реввоенсовета армии П.К. Штернберга с В.А. Антоновым <...> Не ранее 1 ноября 1918 г. (установлено по содержанию и датам соседних документов – *Е.Р.*) <...> полтавцы в Гольянах отразили три бешеных атаки<...>» [23 Д. 621. Л. 256-259].

«Телеграмма Военнсовет 2 Вятския Поляны

1 Ноября Шарканы Сообщаю подробности отступления леваго фланга 30 октября от Ильинского двоеточие согласно приказу по дивизии Ижевский полк (Ижевский Советский полк – соединение в составе Особой Вятской дивизии, после описываемого в телеграмме разгрома под Чужегово был расформирован. – *Е.Р.*) утром 30 октября перешел наступление от Ильинского и Кленовки на Липовку (северо-восток, около 80 км от Ижевска – *Е.Р.*) и большую дорогу 5/ю ротами имея в резерве 4 роты а всего располагая 1100 штыков 4 орудия 15 пулеметов точка Противник также наступал имея 4 роты около 800 человек при 2-х пулеметах точка во встречном бою наши роты отступили от Ильинского на Чужегово высланные резервы бежали бес боя несмотря на огромный перевес числа и огня <...> несмотря на заградительный пулеметный огонь которым их пыталис оставит <...>» [22 Д. 87. Л. 306-307];

«<...>По словам перебежчика сегодня на Ильинском и Кленовку наступало 4 роты общей численностью 800 чел[о]в[е]к при чем из них были 2 ударных из добровольцев Ижевскаго завода <...>» [22 Д. 87. Л. 302-302 об.].

Еще более яркий эпизод, когда в совершенно критических условиях, ижевцы нанесли удар в стык между наступавшими на Ижевск 3-м, 4-м полками и 1-м кавалерийским и Смоленским полками 6 ноября 1918 г., сорвавший общий план красного командования по взятию Ижевска. Тогда ижевцы в районе сел Старые Кены – Каменное (10 км. на восток от места мифической «психической атаки»), снова не имея ни одного орудия, контр-

атаковали 2-й Советский Мусульманский полк, вооруженный 4-мя легкими и 2-мя тяжелыми орудиями, опрокинули его, а артиллерию захватили. Более того, по советским документам они отбили здесь все атаки красных войск 7 ноября и сдерживали их даже 8 ноября, когда по официальным данным, Ижевск уже как день «был взят штурмом».

Проведенное в связи с этим ЧК 2-й армии расследование показало, что противостояли здесь наступавшим красным частям в количестве более двух тысяч человек (только в Мусульманском полку) 400-600 ижевцев (по другим данным 600-800): «Вследствие <...> выдвижение противником небольших частей против наших флангов могло создать для 2 Мусульманского полка неблагоприятную обстановку для ведения боя. Это предположение и было осуществлено противником в бою 6 ноября, когда он выдвинул небольшую часть против нашего левого фланга авангарда, которая начала обстреливать последний фланговым огнем.

Бой 6 ноября на участке 2 Мусульманского полка рисуется так:

Части авангарда развернувшиеся для боя попав под фронтальный и фланговый огонь противника сразу дрогнули и начали в начале по одиночке, а затем небольшими группами отходить назад. Это движение, которое в первый момент боя может быть и не носило панического характера начало постепенно разрастаться когда и постепенно превратилось в паническое бегство <...>. С отходом боевых цепей авангарда противник оценив обстановку, сам перешел в наступление, что еще больше усилило смятение в наших передовых линиях и ускорило очищение всей линии, занятой частями авангарда.

<...> Бой 6 ноября был весьма скоротечен и после первых выстрелов противника потерял всякую планомерность. <...>

Паническое бегство сопровождалось позорным разграблением полкового имущества, <...>. Можно лишь быть уверенным, что главная часть утраченного находится в недрах самого полка, т.е. в карманах армейцев, ибо запуганное мирное население

ние принять участие в грабеже не могло и не смело» [22 Д. 917. Л. 5-7];

Из показаний командира полка:

«<...> 7-го числа с разсветом вновь атакуем лес и доходят лишь до проталины. <...> Во время контр атаки 7 ноября появляются раненые в руки. Явный признак сомостреляния. Одного уличают и по суду разстреливают.

До 2 ½ часов все таки удерживаем за собой лес. После незначительной атаки противником люди уже безостановочно бегут и удается задержать их лишь у деревни Девяткина. В дер. Вх. Ожмес красноармейцы стреляют по инструкторам и в меня, по видимому с целью произвести панику на нас. У деревни Девяткина занимаем с оставшимися 255 человеками высоту и деревню. Остаемся на ночь. Укрепляем позицию. Ночью уходит с позиции III-батальон и только на утро возвращается Командиром. **8-го ноября переходим в наступление** и продвигаемся до Ст. Кен и Каменный. <...> Приложены были все усилия. Включительно до разстрела. <...>» [22 Д. 917. Л. 8-13].

Вот такая вот, как говорилось в одном известном кинофильме, картина маслом. То есть получается, что сказку о штурме Ижевска красное командование могло вполне придумать для высшего руководства, чтобы объяснить причины своих постоянных неудач в борьбе с восстанием, несмотря на полное, казалось бы, военное превосходство над его вооруженными силами.

Заключение

Итак, традиционная историография утверждала: восстание было совершено при непосредственной поддержке иностранной закулисы, второе – Красная армия одержала при его подавлении победу над многократно превосходившими силами, третье – кульминацией этой победы была «психическая» атака ижевцев, разгромленная красными в прямом штыковом бою с потерями более полутора тысяч ижевцев против 40 человек у победителей.

Применение простой методологии шотландцев вкупе с ланчестерскими моделями, мобилизационными коэффициентами военной науки [35], исследованием места психической атаки и т.д., по меньшей мере, поставили под сомнение основные составляющие этой концепции. Ну и, конечно, ничего этого бы не случилось без школы М.А. Барга.

Литература

1. *Алдан-Семенов А.* 1980: Красные и белые. Ижевск.
2. Вокруг света. 1967-1968. М.
3. *Барг М.А.* 1987: Эпохи и идеи. Становление историзма. М.
4. *Бережной С.С.* 1981: Корабли и вспомогательные суда Военно-Морского Флота (1917–1927 гг.) (Справочник). М.
5. Борьба. Ежедневный орган политического подотдела 2 армии при штабе 2 дивизии. 1918 год.
6. Вестник Приуралья (Челябинск). Ежедневная внепартийная газета. Издание Управления Челябинским округом. 1919 г.
7. *Гельвеций К.А.* 1773-1774: Соч. в 2-х т. М.
8. *Декарт Р.* 1989: Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках. Соч. Т. I. М.
9. *Дидро Д.* 1935: Собрание сочинений. М.-Л.
10. *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* 2005: Октябрьская революция и гражданская война в Удмуртии// История Удмуртии XX век/ К.И. Куликов (ред.). 42-92.
11. *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* 1992: Мятёж в Ижевско-Воткинском районе. И.
12. *Ефимов А. Г.* 2008: Ижевцы и воткинцы: Борьба с большевиками 1918–1920. М.: Айрис-Пресс.
13. Ижевская правда. 1923.
14. Ижевская правда. 1927.
15. Ижевская правда. 1928.
16. История латышских стрелков (1915 – 1920). 1972/ Я.П. Крастынь Я.П. (ред.). Рига.
17. *Клавинг В.* 2003: Гражданская война в России. Борьба за Поволжье. М.
18. *Колбин И.Н.* 1931: Борьба за Волгу и Каму 1918 г. Л.
19. *Нарский И. С.* 1967: Философия Давида Юма. М.

20. *Петров А.А.* 2008: История рабоче-крестьянской белой армии // Ефимов А. Г. Ижевцы и воткинцы: Борьба с большевиками 1981–1920/ Л.Ю. Тремсина (сост.). М. 6-38.
21. РГВА. Ф. 106. Оп. 3.
22. РГВА. Ф. 169. Оп. 1.
23. РГВА. Ф. 1328. Оп. 1.
24. *Рейнфелдс Я.Ю.* Часть третья. Гражданская война 1918 год. Боевой путь полка на арене Гражданской войны с 1918–1922 года. – Рукопись на русском языке на 77 стр., написана в 1957–1958 гг. Хранится в семье Бондаренко В.И., жителя г. Стерлитамака, родственника соседей Рейнфелдса по д. Юремис Надеждино Иглинского района Башкирии// *Ренёв Е.Г.* 2013: Красная армия против Ижевского восстания/ Ренев Е.Г. (ред.). 245-276.
25. *Ренёв Е.Г.* 2014 (1): Вооруженные силы Ижевского восстания в ранней советской историографии// Вестник МГОУ (Электронный журнал). № 1. 10 с.
26. *Ренёв Е.Г.* 2014 (2): Вооруженные силы Ижевского восстания в поздней советской историографии// Вестник МГОУ. История и политические науки. № 2.
27. *Ренёв Е.Г.* 2014 (3): Заводы в огне. Ижевские заводы и вооружение Ижевской народной армии во время антибольшевистского восстания. Ижевск.
28. *Ренев Е.Г.* 1990: Историософская и социально-политическая мысль Адама Фергюсона. Шотландское Просвещение (40 – 60-е гг. XVIII века). Дисс. на соискание ученой степени к.и.н. М.
29. *Ренёв Е. Г.* 2011(3): Латышская тема в Ижевском рабочем восстании// Россия и Балтия. Выпуск 6. М. 47-72.
30. *Ренев Е.Г.* 2008: Мифы Ижевского рабочего восстания. Некоторые даты и цифры// Россия и Удмуртия: История и современность. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства/ Пузанов В.В., Загребин А.Е. Ижевск. 640 – 649.
31. *Ренёв Е.Г.* 2011 (1): Поражение Ижевского восстания, или как обманули Ленина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики. № 5. 172–176.

32. *Ренев Е.Г.* 2011 (2): Приходские книги ижевских церквей о последних днях Ижевского восстания// Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 2(8). Часть 3. 155–157.
33. *Ренёв Е.Г.* 2013: Красная армия против Ижевского восстания. Осень 1918 года. Ижевск.
34. *Ренев Е.Г.* 2005: Черная неделя// Воткинцы в Ижевско-Воткинском восстании/ Жернаков В.И., Лекомцев В.Г. (ред.). Воткинск. 11-18.
35. *Ренев Е.Г.* 2015: К определению численности развернутых вооруженных сил (на примере расчетов по Ижевской Народной армии)// Война и военные конфликты в истории России: к 70-летию Великой Победы. - Материалы XIX Всероссийской научной конференции. Москва, РУДН, 21–22 мая 2015 г./ отв. В.М. Козьменко, В.В. Керов (ред). – М. 321–328.
36. *Руссо Ж.-Ж.* 1969: Трактаты. М.
37. Сарапульская трудовая коммуна. Орган Исполнительного комитета Сарапульского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918.
38. *Смит А.* 1962: Исследование о природе и причинах богатства народов. М.
39. Советская военная энциклопедия. 1978. Т. 3. М.
40. *Томан Б.А.* 1975: За свободную Россию, за свободную Латвию. М.
41. *Шумилов Е.Ф.* 2007.Завод заводов. Два века «Ижмаша». 1917 – 2007. Ижевск.
42. *Шумилов Е.Ф.* 1990: Город на Иже.
43. ЦГА УР. Ф. Р-460. Оп. 1.
44. ЦДНИ УР. Ф. 369. Оп. 1.
45. Хроника действий Волжско–Каспийской военной флотилии и отрядов судов и десантных за 1918–1920 гг. 1934/ Составил Н. Ульянов. Горький.
46. *Bryson G.* 1945: Man and Society: the Scottish inquiry of the eighteenth century. Princeton.
47. *Ferguson A.* 1767: An Essay on thy History of the Civil Society. Edinburgh.
48. *Ferguson A.* 1800: Institutes of Moral Philosophy. Basil.

49. *Ferguson A.* 1792: Principles of Moral and Political Science. Edinburgh.
50. *Hume D.* 1889: Essays moral, political and literary. 2 vs. L.
51. *Hume D.* 1954: The letters/ Ed. by J.Y.T. Greig. Vol. II. Oxford.
52. *Kames H.H.* 1767: Historical law tracts. Edinburgh.
53. *Kettler D.* 1965: The social and political thought of Adam Ferguson. Ohio.
54. Latvju revolucionārais strēlnieks. 1935-1934. I-II/ R. Apinis, V. Strauss, K. Stucka, P. Vīksne (red.). M.
55. *Lehman W.C.* 1930: Adam Ferguson and the beginnings of modern sociology. N.Y.
56. *Reinfelds J.* Izhevas rūpnīcas ēdēšanas 1918. gada. 7. novembrī. LVA. F. PA-45. Apr. 3. L. 78. 90-108 (46-56). Lpp.
57. *Robertson W.* 1930: History of America. 2 vs. L.
58. *Robertson W.* 1759: History of Scotland. 2 vs. L.
59. *Smith A.* 1893: Lectures on rhetoric and belles lettres. Glasgow.

Сокращения

РГВА – Российский государственный военный архив.

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.

ЦДНИ УР – Центр документации новейшей истории Удмуртской республики.

LVA (Latvijas valsts archīvs) – Латвийский государственный архив.